

ДЕЙСТВИЕ в арабо-мусульманской философии. Понятие действия выражается термином «фи‘л» или, реже, синонимичным ему «‘амал». Если первое чаще обозначает действие вообще, то второе — скорее действие в контексте религиозного Закона, хотя это противопоставление не всегда выдерживается. Действие в арабском языке чаще всего выражается масдаром (отглагольным существительным), в котором в силу особенностей арабского языкового мышления присутствуют нераздельно сущностный и процессуальный аспекты. Благодаря этому действие и результат действия могут быть слиты в одном понятии, например, «‘илм» обозначает и «знание» и «познание». Поэтому проблематика действия в арабо-мусульманской философии охватывает более широкий круг проблем, нежели в традициях, жестко разводящих процессуальность и результат. Понятие действия обсуждается, как правило, в тесной связи с понятиями «действующее» (фā‘ил) и «претерпевающее» (маф‘ӯл). Противоположностью реально совершаемого действия является «оставление действия» (тарк, тарк ал-фи‘л), которое понимается, как правило, не как небытие действия, а как имеющее определенное и позитивное содержание, чем отличается от «не-действия» (‘адам фи‘л) как чистого отсутствия действия.

В классическом исламском вероучении и религиозно-правовой мысли (*фиqhе*) понятие действия разработано как непосредственно связанное с «намерением» (ниййа): любое действие оценивается в соответствии с намерением, отсутствие должного намерения обесмысливает действие, даже если оно формально совершено правильно; действие считается совершенным, даже если оно не состоялось, но имелось намерение его совершить, а объективные обстоятельства тому воспрепятствовали; намерение не является намерением, если не влечет прямо и непосредственно действие при отсутствии объективных препятствий.

Метафизика действия, развитая в *каламе*, включала вопрос об условиях действия, о соотношении между действием человека и действием Бога, различии между «непосредственным» и «порожденным» действием, подлинном и мнимом действителе и вопрос о «стяжании» (касб) действия.

В целом для мутакаллимов характерно представление о том, что действователем может быть только «живое» (хайй), т.е., вообще говоря, Бог и человек. Действитель необходимо наделен волей (ирāда), так что целеполагание (қағд, ғарад) включается, как правило, в число условий действия. Другим неизменным условием действия является «могущество» (қудра) или «способность» (истиғā'а) действующего: первый термин чаще употребляется в отношении Бога, второй — в отношении человека (наряду с близким ему исти'дāд — подготовленность), хотя это противопоставление не абсолютно. Действитель должен являться «могущим» (қāдир), а производимые им вещи оказываются «подвластными» (мақдūr) ему. Одни мутазилиды считали, что способность к действию сопровождает его, возникая в действующем одновременно с действием, другие относили ее к моменту времени, непосредственно предшествующему действию, некоторые характеризовали ее как «часть» (ба'д) тела, т.е., по существу, как акциденцию наряду с запахом, вкусом и т.д. В мутазилизме было выдвинуто кардинальное положение о полном разграничении сфер божественного и человеческого «могущества», так что Бог считался некоторыми не способным произвести те действия, к которым способен человек. Это означало признание автономии человеческого действия и, как следствие, автономии сопровождающей его воли. Мутазилиды различали непосредственное действие (фи'л мубāшир), которое прямо совершается действующим и, как правило, создает нечто в самом действующем (например, «толкание», возникающее в «толкающем»), и порожденное (фи'л мутаваллид) им действие («качение», вызванное «толканием» и возникшее в камне), которое возникает в чем-то ином. Порожденное действие осуществляется посредством произведенной действующим причины и может осуществляться после исчезновения деятеля. «Намеренность» (и'тимāд) тела (см. *Воля*) мутакаллимы относили к непосредственному действию, а возникающее благодаря ему движение — к порожденному действию. Непосредственное и порожденное действия противоположны, в свою очередь, «действиям по природе». Признание некоторыми мутакаллимами подобной категории выводило действие за пределы живого, при этом действие тела согласно его природе (напр., окрашивание в такой-то цвет) некоторые считали автономным и пересиливающим даже волю Бога. Другой аспект проблемы состоял в различении собственного и

несобственного действия человека. Собственное действие определялось некоторыми как то, которое человек может «оставить» по собственной воле. Несобственные действия, к числу которых относились с этой т.зр. и порожденные, оказывались тем самым сотворенными другим действователем, т.е. Богом, и присвоенными (касб, иктисāб — стяжание) человеком. Понятие «стяжание», введенное в мутазилизме, стало одним из центральных в ашаризме. С его помощью *ал-Аш'арī*, отказавшийся от утверждения об автономии человеческого действия, сделал противоречивую попытку сохранить положение о полной предопределенности человеческих поступков волей Бога наряду с тезисом об ответственности человека за собственные поступки: действия творятся Богом, но присваиваются человеком.

В арабоязычном перипатетизме понятия действователя и действия претерпевают трансформацию, вызванную влиянием аристотелизма, и прежде всего учением о причинности. Авиценновская концепция разделения «чтойности» вещи и ее существования направлена прежде всего на то, чтобы свести четыре аристотелевские причины фактически к единственной — действователю. Действие понимается *Ибн Сīной* как придание вещи существования после ее несуществования. Поскольку «возникающее» (хāдис) понимается как «возможное (мумкин) в самом себе», понятие «возможности» (имкāн) вводится как самостоятельное и не сводимое к понятию «могущества» (қудра), или способности действователя произвести вещь, что составляет контраст учению мутазитов о действии. Действователь, согласно *Ибн Сīне*, не создает «чтойность» вещи, но лишь придает ей существование, из возможной делая ее «необходимой» (вāджиб; см. *Существование*). С другой стороны, термин «действие» был использован для передачи понятия «актуальное» в его противопоставлении «потенциальному». Пара «необходимое-возможное» составляет параллель паре «актуальное-потенциальное», отличаясь от нее в существенных моментах, хотя в позднейших эклектических учениях они нередко отождествлялись.

В арабоязычном перипатетизме и *исмаилизме* была принята троичная иерархия действий в зависимости от их отношения к вечности и времени (см. *Вечность*). В арабоязычном перипатетизме действие приписывалось и неживым причинам, причем действие причин в мире возникновения и гибели считалось зависящим от ряда дополнительных в сравнении с самой причиной факторов (см.

Причина). В *ширакизме* восстанавливается положение о том, что действителем может быть только живое: действие в истинном смысле приписывается лишь свету, тогда как «затемненное», т.е. неживое, не действует. Понятия действия, жизни и «постижения» (идрāk), или «явленности самому себе» (зухūr ли-нафси-хи), сближаются почти до отождествления. Дальнейшая эволюция понятия действия связана с тем, что единственным истинным действителем оказывается Свет Светов, действующий либо непосредственно, либо при посредстве других действителей, из которых именно он «извлекает» действие и которые оказываются таким образом мнимыми действителями. Согласно *ас-Сухравардī*, Первоначало является исключительно действующим, но не претерпевающим ни в каком смысле, тогда как в арабоязычном перипатетизме и исмаилизме сочетание действителя, действия и претерпевания собственного действия («разумения») в одном субъекте рассматриваются как признаки Первого Разума, а в *каламе* претерпевающее входит непременно элементом в рассмотрение действия Бога, хотя и внеположено ему и представлено вещами мира. Полемизируя с перипатетиками, *ас-Сухравардī* утверждает, что многочисленность действий не может служить показателем многочисленности производящих ее сил и что одна сила в разных «аспектах» (хайсийа) может влечь разные действия. Садр ад-Дин аш-Шйрāзй высказывает положение о том, что действие Первого ни в каком отношении не схоже с действиями всего прочего, хотя именуется тем же именем, что составляет явную параллель высказанному еще мутазилитами тезису о том, что Бог — вещь не как все вещи.

Основным вкладом *суфизма* в обсуждение проблематики действия является тезис о невозможности истинного разделения понятий действителя и претерпевающего, а также собственного и несобственного действия так, чтобы каждый из членов этих пар не переходил в свою противоположность и не обуславливал ее как необходимую наряду с собой. Для передачи понятия действия в суфизме, наряду с *фи'л* и *'амал*, активно используется *'асар* (букв. — отпечаток) и его производные. Хотя признается, что миропорядок делится на «воздействующее» (*му'ассир*) и «подверженное воздействию» (*мута'ассир*), причем первым является Бог, а вторым мир (тезис, вероятно, восходящий к стоикам), что всякое действие следует сопрягать с Богом, который и оказывается истинным деятелем, а не совершающим его человеком, или что действия всегда производятся Богом,

который желает их появления в бытии, и только метафорически сопрягаются с человеком, эти тезисы не являются абсолютными. Ибн ‘Арабī отождествляет «явное» (з̄ахир) с претерпевающим, а «скрытое» (б̄аṭин) с действующим, но поскольку в паре «явное-скрытое» Бог и Творение могут занимать любое из мест, Бог также может рассматриваться как подверженный воздействию Творения и определяемый последним. К понятию «претерпевание» (инфи‘āl) приближается понятие ҳукм (букв. — постановление, суждение), через которое часто обсуждается проблематика взаимного обуславливания действующего и претерпевающего.